Я. С. ЛУРЬЕ

Феодальная война в Москве и летописание первой половины XV в.

История борьбы за великокняжеский престол, начавшейся после смерти Василия I в 1425 г. и митрополита Фотия в 1431 г. и закончившейся лишь в начале 50-х гг. победой Василия II, во многом остается темной и загадочной. Причина — недостаток достоверных и достаточно ранних источников.

До нас не дошло ни одной общерусской московской летописи, современной феодальной войне 1431—1447 гг., — все они составлены уже позже победы Василия Темного. Старшая редакция Софийской I летописи (далее: СIЛ) оканчивается 1418 г. Наиболее ранний список младшей редакции — Бальзеровский (конец XV в.) доводит хронологически последовательное, хотя и не сплошное, изложение событий до 6964 (1456) г., далее следуют статьи 6968 (1460)—6970 (1462) гг. и сказание о походе на Новгород ("Словеса избранна...") 6979 (1471) г.[1]

Первое известие о вступлении Василия II на престол читается в СIЛ под 6933 (1425) г. после известия о смерти Василия I: «того же лета сын его князь Василей Васильевич седе на великом княжении». Под 6940 (1432) г. сообщается, что дядя Василия II, «князь Юрьи Дмитриевичь сперся о великом княжении своим братаничем»; они «поидоша в Орду ко царю Махметю; царь же предасть княжение великое держати Василию Васильевичю». Под 6941 (1433) г. рассказывается о том, как «князь Юрьи Дмитреевич възлютися за то, что ему не дал царь княженья великаго, поиде ратью к Москве»; он одержал под Клязьмой победу над племянником, бежавшим после поражения в Тверь, «прииде на Москву и седе на великом княжении»; но «того же лета князь Юрьи Дмитреевичь оставя Москву, и поехал в свою отчину». Под 6942 (1434) г. говорится о возвращении Василия II в Москву, его походе на Галич и ответном походе Юрия на Москву, граждане которой «отвориша ему град». Юрий сел на великокняжеский престол, но «того же лета, месяца июня 5, преставися князь великий Юрьи Дмитреевичь...», а Василий вновь сел «на великом княжении». После 6942 г. СIЛ ничего не сообщает о междоусобной борьбе в Московском княжестве вплоть до 6954 (1446) г. Под этим годом повествуется о приходе «князя Дмитрия Юрьевича» (Шемяки) «со князем Иваном Андреевичем» (Можайским) на Москву и пленении ими княгинь и

[1] Известия СIЛ младшей редакции о феодальной войне см.: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 263—271 (далее все ссылки на конкретные известия в СIЛ и других летописях — в тексте под годами от сотворения мира). Бальзеровский список СIЛ: СПбФИИ, кол. 11, № 23.

© Я. С. Лурье, 1993.

бояр, о «поимании» Иваном Андреевичем Василия в Сергиеве монастыре, о приведении его «с нужею» к Москве и ослеплении. Упоминается также, что дети Василия II Иван и Юрий «убегли в град Муром», и рязанский владыка Иона, по поручению «князя великого Дмитрия Юрьевича», явившись в Муром, «взя их на свою душу, и князь великий Дмитрей Юрьевичь посади с отцем вместе». Под тем же годом, наконец, сообщается о том, что «князь великий Василий», выпущенный Дмитрием, «бежа во Тферь и собра воя многы», а «князь великий Дмитрей», придя на Волок и «видев свое изнеможение и побежа в Галич». Под 6955 (1447) г. сообщается, что «седе князь великий Василей Васильевич на великом княжении на Москве». Последствия феодальной войны отражены еще в известиях СІЛ 6957 (1449) г. о поставлении Ионы митрополитом, о победе над Дмитрием под Галичем и его изгнании в Новгород и о смерти Шемяки в Новгороде в 6961 (1453) г.

Дошедший до нас текст младшей редакции СІЛ был завершен, очевидно, после окончания борьбы за великокняжеский престол — здесь уже сообщается о победе Василия I и смерти Шемяки, но крайняя сдержанность и лаконичность рассказа об этой борьбе позволяет предполагать, что в основе этого текста лежал другой, составленный еще до окончания войны — возможно, сокращенный, но еще должным образом не проредактированный (сохранились великокняжеские титулы Юрия и Дмитрия Шемяки).

Тем больший интерес представляют известия об этих событиях, сохранившиеся в новгородских летописях, близких или даже современных борьбе за Москву. Известия эти сохранились в Новгородской I летописи младшего извода (далее: НІЛ), в Новгородской Карамзинской (далее: НКЛ) и в Новгородской IV (далее: НІVЛ) летописях.[2]

НІЛ младшего извода дошла в Академическом и Комиссионном списках сер. XV в. (Толстовский и Воронцовский списки представляют собой копии Академического XVIII—XIX вв.) и в Троицком списке сер. XVI в.; текст Академического списка обрывается на 6949 (1441) г., текст Комиссионного списка доведен до 6954 (1446) г. В Троицком списке содержится только самое начало летописи — до 6523 (1015) г. НКЛ дошла в списке XV в., текст ее обрывается на 6936 (1428) г. Строевский, Фроловский, Новороссийский и Толстовский списки НІVЛ — конца XV в.; Синодальный, Академический и Голицынский — XVI в. Текст Толстовского списка заканчивается 6926 (1418) г., текст Новороссийского заканчивается 6945 (1437) г., Фроловского — 6955 (1447) г., текст Строевского и Синодального списков — 6985 (1477) г., текст Академического и Голицынского списков доведен до начала XVI в. Сходна в разбираемой части с НІЛ и НКЛ—НІVЛ (и восходит, очевидно, к протографу двух последних) Летопись Авраамки, основной текст которой доведен до 6977 (1469).[3]

По своему составу и происхождению НІЛ младшего извода, с одной стороны, и НКЛ и НІVЛ — с другой существенно различаются. НІЛ младшего извода, как и лежащая в ее основе НІЛ старшего извода, — летопись новгородская по преимуществу; общерусских известий здесь очень мало. НКЛ и НІVЛ вплоть до 1418 г. сходны с СІЛ и явно восходят к общему источнику, — источник этот может быть определен как Новгородско-Софийский свод. При этом текст НКЛ первичен по отношению к НІVЛ.[4] Однако в той части, которая отражает войну за московский престол во

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 412—427; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1. С. 427—444, 451—453. Неизданная НК — ГПБ, F.IV. 603.

[3] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 172—193.

[4] Ср.: Лурье Я. С. 1) Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 81—82. (Далее: Лурье. Летописи).

второй четверти XV в., НІЛ, НКЛ, НІУЛ и Летопись Авраамки в значительной степени сходны, хотя не всегда совпадают.

Первое по времени известие новгородских летописей, предвещающее будущую войну за великокняжеский престол, — сообщение в НІЛ под 6927 (1419) г., а в НКЛ, НІУЛ и в Летописи Авраамки под 6927 (1419)—6929 (1421) гг. о том, что новгородцы приняли к себе в качестве князя Константина Дмитриевича, отъехавшего от своего брата Василия I, который «хотел его в челованье [НКЛ—НІУЛ — целование] привести под своего сына Василия, и он не хотя быти под своим братаничем, и князь Василий возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину, и бояр его поима и села и животы их отъима» (в НІЛ под 6929 г. сообщается еще об обратном отъезде Константина). Под 6932 (1424) г. в НІЛ, НІУЛ и Летописи Авраамки сообщается о том, что умер «князь великий Василей Дмитреевич» (в НІУЛ — «Московьский»); в НКЛ вслед за этим читается: «седе на великое княжение сынь его Василий». Если учесть, что именно право Василия II на великокняжеский престол было основным предметом династической борьбы после 1425 г., то станет ясным, что отличие НКЛ от остальных новгородских летописей отнюдь не случайно. Вторичность текста НІУЛ по отношению к НКЛ позволяет предполагать, что известие о вступлении Василия II на великокняжеский престол было во всех списках НІУЛ опущено, — очевидно, в связи с тем, что на престол этот претендовал Юрий Дмитриевич Галицкий, а потом его сыновья. Но отличие НКЛ в известии о Василии II от остальных новгородских летописей делает особенно интересным почти дословное совпадение этого известия с известием СІЛ за 6933 (1425) г. — расхождения минимальны: в СІЛ «сын его Василий Васильевич седе на великом княжении»; в НКЛ «седе на великое княжение сын его Василий». Сплошное совпадение текстов СІЛ и НКЛ—НІУЛ, как мы уже отмечали, наблюдается до 6926 (1418) г., но это вовсе не значит, что их общий протограф заканчивается этим годом: он мог доходить и до более поздней даты и быть заменен иным окончанием в одной из двух летописных семей. Не принадлежало ли известие СІЛ—НКЛ о вступлении Василия II в 6932—6933 г. на престол этому общему протографу — Новгородско-Софийскому своду?

К сожалению, дальнейшее рассмотрение известий НКЛ о феодальной войне оказывается невозможным: на середине годовой статьи 6936 (1428) г. текст ее обрывается. Примерно с этого же года обнаруживаются и существенные разночтения между Новороссийским и Голицынским и остальными списками НІУЛ, давшими основания А. А. Шахматову определить Новороссийский и Голицынский списки как первую редакцию НІУЛ, а остальные — как ее вторую редакцию. Значит ли это, что первая редакция НІУЛ доходила до 6936 г. и может быть датирована 1428 г.? Едва ли это так. Общий текст Новороссийского и Голицынского списка доходит не до 6936 г., а до 6945 (1437) г., которым заканчивается Новороссийский список. Окончание НКЛ под 6936 г. — это именно обрыв текста (на середине фразы: «а то серебро браша...»); в обеих редакциях НІУЛ последние слова 6936 г. и первые слова 6937 г. совпадают; да и далее основной текст обеих редакций НІУЛ сходен; наблюдаются лишь частичные (но, как мы увидим, довольно важные) расхождения. А. А. Шахматов, сопоставлявший обе редакции, пришел к заключению, что «ввиду отсутствия прямых указаний на существование редакции, доведенной до 1428 г., мы будем рассматривать только две засвидетельствованные списками редакции: первую, доходящую до 1437 г., и вторую, доходящую до 1447 г.».[5]

---

[5] Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 183—184. (Далее: Шахматов. Обозрение).

Прямые известия о борьбе московских князей за великокняжеский престол начинаются в новгородских летописях с 6939 (1431) г. Сообщив о смерти митрополита Фотия, НІЛ, вторая редакция НIVЛ и Летопись Авраамки добавляют: «Того же лета ходиша князи Русстии в Орду, Юрий Дмитриевичь, Василей Васильевичь». Но текст первой редакции НIVЛ оказывается несколько иным: «Того же лета поидоша князи Рускии в Орду, князь Василей Васильевичь о великое княжение с дядею своим Юрьем Дмитреевичем и даша царь Махмет» (последние три слова этого явно оборванного текста читаются только в Новороссийском списке, в Голицынском их нет). Расхождения продолжаются и под следующими годами. В НІЛ под 6940 (1432) г. читается: «Выидоша князи рустии из Орды без великаго княжениа», далее следуют новгородские известия; затем вторично следует дата 6940 и сообщается: «Выидоша князи рустии из Орды: князь Василий Васильевич, Юрьи Дмитриевич, цесарь Махметь даше княжение великое Василию Васильевичю на всей Руской земли». Вторичный характер второго сообщения НІЛ за 6940 г. обнаруживается из того, что сопровождающие его новгородские известия здесь также дублируются: дважды сообщается о построении церкви святых Апостолов и о приезде князя Юрия Семеновича из Литвы. В НIVЛ второй редакции и в Летописи Авраамки также помещены два известия о возвращении князей из Орды, но о том, что они вышли «без великого княжения», сообщается под 6940 г., а о том, что «царь Махмет» дал «княжение великое князю Василью Васильевичу», — под 6941 г. (только в Академическом списке НIVЛ сохраняется текст НІЛ); при этом дублировка новгородских известий устранена, хотя и по-разному.[6] В первой редакции НIVЛ двойного сообщения о возвращении князей из Орды (как и дублировки новгородских известий) нет: под 6940 г. здесь однозначно указывается, что «выидоша князи Русии изо Орды, князь Василей Васильевичь и Юрьи Дмитреевичь; и даша царь Махмет княжение великое на всей Руской земли князю Василью Васильевичю». Чем объясняется столь важное расхождение между новгородскими летописями, мы попытаемся ответить далее; пока же перечислим дальнейшие известия этих летописей о борьбе за великокняжеский престол.

Под 6942 (1434) г. в НІЛ, НIVЛ второй редакции и в Летописи Авраамки читается: «Князь Юрьи Дмитриевич взя град Москву и сяде на великом княженьи». Далее сообщается о приезде Василия Васильевича в Новгород и о тревоге, которую вызвал у новгородцев его приезд («выиха весь Великый Новъгород ратью на поле... а князь Василий бысть тогда на Городищы, и не бысть новгородцом ничего же»), о том, что «того же лета преставися князь великий Юрьи Дмитреевич», и о возвращении Василия II в Москву. НIVЛ первой редакции и в этом случае отличается от остальных. Известие: «Князь Юрьи Дмитреевичь взя город Москву» — читается здесь без упоминания о вступлении Юрия на великокняжеский престол; приезд Василия в Новгород и тревога в городе оказываются, таким образом, никак не мотивированными, и о его возвращении в Москву сообщено до известия о смерти Юрия Дмитриевича. Известие о его смерти различается в двух списках первой редакции: в Новороссийском списке упомянут титул дяди Василия II, но спутано его имя — «преставися князь великий на Москве Дмитрей Юрьевичь»; в Голицынском списке — «преставися князь Юрье Дмитриевичь». Под тем же 6942 г. НІЛ, НIVЛ второй редакции и Летопись Авраамки сообщают о приезде в Новгород старшего сына Юрия Дмитриевича Василия (Косого), а затем о его отъезде, во время которого он «много

[6] В НIVЛ второй редакции оба известия помещены под 6940 г.; в Летописи Авраамки о построении церкви Апостолов — под 6940 г., а о приезде Юрия Семеновича — под 6941 г.

пограби» новгородские земли. В HIVJI первой редакции нет упоминания о поведении Василия Юрьевича в Новгороде, но сообщено, что он «поеха из Новгорода к Москве». Соперничество Василия Юрьевича с Василием II никак не отмечено в новгородских летописях, но под 6944 (1436) г. сообщено о его ослеплении великим князем.

Годовые статьи 6943 (1435)—6945 (1437) гг. отражают особенно важную для новгородцев тему — взаимоотношения между Новгородом и великим князем. В HIJI, HIVJI второй редакции и Летописи Авраамки сообщается, что в 6943 г. Василий II «человаше крест» новгородцам, соглашаясь «отступитися» Новгороду его «отцины» — Бежецкого Верха, Волока Ламского и Вологды, и обещал «слати своих бояр на розвод земли», но в 6944 г. не выполнил это обещание: «князь великой своих бояр не посла, ни отцини новгородской нигде новгородцом не отведе, ни исправы ни учини». В HIVJI первой редакции оба эти известия значительно короче: под 6943 г. не говорится об обещании Василия II «слати своих бояр на розвод земли», а под 6944 г. — об отказе от присылки бояр (только: «не бысть от князя великаго управы»).

Наконец, под 6945 (1437) г. во всех новгородских летописях сообщается о согласии новгородцев уплатить посланному великим князем боярину Юрию Патрикеевичу дань — «черный бор», о прибытии в Москву митрополита Исидора и поездке к нему новгородского владыки. Именно этим известием заканчивается Новороссийский список HIVJI и, как предположил А. А. Шахматов, первая редакция HIVJI в целом (в Голицынском списке здесь смена почерка и следует иной текст, не принадлежащий HIVJI).

Ознакомление с рукописью Новоросийского списка не только подтверждает это предположение Шахматова, но помогает понять обстоятельства составления этой редакции. Последние слова летописи в этом списке: «к митрофолиту Сидору, месяца июля 7 на память святаго отча нашего Фомину недилю» — написаны, как это делалось в конце текста, треугольником острым концом вниз, и после этого следует запись: «Господи, помози рабу Божью Григорью Васильевичю на многа лета».[7]

О ком здесь идет речь? В литературе как будто не было попытки ответить на этот вопрос. А между тем личность данного лица, как-то связанного с написанием летописи, может быть определена. «Григорий Васильевич» — это, очевидно, Григорий Васильевич Заболотский, наместник Василия II, у которого новгородцы Яким Гуреев и Матвей Петров получили откупную грамоту, «коли был князь велики Василей Васильевич в Великом Новегороде»,[8] т. е. в 1434 г., — видимо, до составления первой редакции HIVJI. О Григории Васильевиче Заболотском как наместнике в Новгороде и принадлежавшем ему Бежецком Верхе в середине XV в. упоминается и в грамотах Василия II.[9]

Связь первой редакции HIVJI с наместником Василия II в Новгороде объясняет многие особенности этой редакции. Конечно, HIVJI и в первой редакции — летопись новгородская, но составитель ее проявлял куда большую лояльность Василию Васильевичу, чем составители HIJI и второй редакции HIVJI: под 6940 (1432) г. он однозначно сообщил о получении Василием II в Орде «княжения великого»; умолчал о вступлении Юрия в

---

[7] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 453. Ср.: БАН, Собр. текущих поступлений, № 1107, л. 337 об. (с. 674).

[8] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 93. С. 149.

[9] Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 105—106; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 262. С. 190; ср.: АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 15. С. 31.

6942 (1434) г. на великокняжеский престол; смягчил известие о невыполнении Василием II данных Новгороду обязательств.

Следует ли считать первоначальным текстом НIVЛ тот, который сохранился в первой редакции НIVЛ, или тот, который совпадает в НIЛ, второй редакции НIVЛ и Летописи Авраамки? Несомненно, что одним из источников НКЛ и НIVЛ была какая-то редакция НIЛ, но какая именно? Ответ на этот вопрос, может быть, дает текст Троицкого списка НIЛ: содержащееся в нем родословие русских князей заканчивается Юрием Дмитриевичем и совсем не содержит имен Василия I и Василия Васильевича — вероятно, редакция НIЛ, лежащая в основе списка, была составлена в 1434 г., во время пребывания Юрия на великокняжеском престоле.[10] Однако текст Троицкого списка обрывается на 6523 (1015) г., и мы не знаем, как читались в нем интересующие нас события 1425—1437 гг. Тексты Академического и Комиссионного списков НIЛ, НIVЛ второй редакции и Летописи Авраамки составлены после 1437 г. Академический список НIЛ не имеет окончания, но доходил во всяком случае до 6949 (1441) г., текст Комиссионного списка доведен до 6954 (1446) г. Можно поэтому полагать, что некоторые особенности известных нам списков НIЛ и НIVЛ второй редакции отражают переделку первоначального текста: об этом, по-видимому, свидетельствует дублировка в НIЛ известия 6940 г. (и противоречивость известий 6940—6941 гг. в НIVЛ второй редакции и Летописи Авраамки)[11] об исходе спора между Юрием и Василием в Орде. НIЛ младшего извода (Комиссионный список), заканчиваясь 1446 г., еще ничего не говорит о выступлении Шемяки в этом году против Василия, но вполне вероятно, что составлена она была, когда второй этап борьбы за престол уже начался, и занимать вполне однозначную позицию в династическом споре было неосторожно.[12] Тем более неудобно было занимать подобную позицию составителю второй редакции НIVЛ, заканчивавшейся 6956 (1447—началом 1448) г., когда борьба между Василием Темным и Дмитрием Шемякой, как мы увидим, была особенно острой. Этим, видимо, можно объяснить двойственность и противоречивость известий о споре в Орде в 1434 г. в разбираемых памятниках.

Но и текст НIVЛ первой редакции не производит впечатления первичного и вполне последовательного. Умолчание о вступлении Юрия в 1434 г. на великокняжеский престол, противоречащее употреблению великокняжеского титула в рассказе о его смерти, — очевидно, черта вторичной обработки текста, связанной, как мы уже отметили, с составлением редакции 1437 г. при наместнике Василия II Григории Заболотском.

Сообщения о московско-новгородских отношениях и о борьбе за великокняжеский престол после 1437 г. начинаются в НIЛ, НIVЛ второй редакции и в Летописи Авраамки с известия 6949 (1441) г. о новом столкновении Василия II с Новгородом, закончившемся «докончанием», и о приезде на Русь Исидора после Флорентийской унии в качестве «легатоса» римского

---

[10] Новгородская первая летопись... С. 560—561. Ср.: Шахматов. Обозрение. С. 173—174.

[11] Шахматов склонен был объяснять повторение летописной статьи 6940 (1432) г. тем, что протограф Комиссионного списка был составлен в 1432—1433 гг. (Шахматов. Обозрение. С. 174; ср. с. 165). Но дублировка эта может объясняться и редакционной работой сводчика 1446 г., стремившегося совместить две версии событий 1432 г.

[12] Шахматов объяснял отсутствие имени Шемяки в перечне князей в Комиссионном списке (Новгородская первая летопись... С. 465) тем, что текст списка был составлен в 1453—1462 гг. — после смерти Шемяки, хотя отмечал, что он мог быть написан и до 1446 г. (Шахматов. Обозрение. С. 171). Более вероятной представляется эта последняя дата, тем более, что следующие статьи того же перечня заканчиваются Василием Дмитриевичем с сыновьями и даже Дмитрием Донским (Новгородская первая летопись... С. 466—467).

папы. Под 6950 (1442) г. рассказывается о низвержении Василием II Исидора, его бегстве и о столкновении Василия II со вторым сыном Юрия Дмитриевича — Дмитрием Шемякой. Дмитрий просил Новгород принять его «на своей воле» — новгородцы ответили: «хошь, княже ты к нам поеди, а не въсхошь, ино как тебе любо». Под 6953 (1445) г. новгородские летописи сообщают о посылке Василием II татар «на литовьскыи городы, на Вязму и на Брянеск» и о его походе на «тотарского цесаря Махмета», приведшем, несмотря на потери русских войск, к отступлению татар. Но далее повествуется о новом столкновении великого князя с «Махметем» — битве под Суздалем, окончившейся пленением Василия II. Под 6954 (1446) г. в тех же летописях сообщается об освобождении Махметом великого князя за «окуп» — «двесте тысяць рублев, а иное Бог весть да они». О последствиях этого события мы из НІЛ не узнаем — на 6954 г. оканчивается текст ее Комиссионного списка (текст Академического списка кончался еще раньше).

О дальнейших событиях 6954 г. сообщают НIVЛ второй редакции (Фроловский и Академический списки; в Строевском и Синодальном списках хронологическая сетка сдвинута, и год этот обозначен как 6955) и Летопись Авраамки. В возмездие за уступки Василия II татарам Дмитрий Шемяка, Иван Можайский и великий князь Тверской Борис «изымаша князя великого Василия Васильевича Московьского, ослепиша его про сию вину: „Чему еси татар привел на Рускую землю, и городы дал еси им, и волости подавал еси в кормление? а татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и сребро и имение даешь татаром". А и за тот гнев: ослепил бе брата Дмитриева Юрьевича князя Василия». Далее сообщается о вокняжении Дмитрия в Москве, о пленении Василия, его матери, жены и детей и о соглашении Шемяки с Новгородом — «и князь Дмитрий крест целова на всех старинах». В конечной части статьи 6955 (1447) г. НIVЛ второй редакции (в Строевском и Синодальном — 6956 г.) и Летописи Авраамки описывается следующий этап феодальной войны как полное разорение Русской земли, от которого Новгород отстранялся: «Князь Василей выбежа во Тферь, и приехаша к нему князи и бояри и татари, и слышав князь Дмитрий и князь Иван Можайский, и выехаша за Волгу и Галичь и на Кострому и на Вологду, и стоаху противу себе о реце о Волге, а новгородци не въступишася ни по едином, а землю Русскую остаток истратиша, межи собой бранячися...».

На этой патетической ноте рассказ НIVЛ о феодальной войне XV в. в сущности оканчивается: Строевский и Синодальный списки НIVЛ ничего не рассказывают о вступлении Василия в Москву и его конечной победе, ограничившись только кратким сообщением о смерти Дмитрия Юрьевича в Новгороде в 6961 (1453) г.; в других новгородских летописях, имеющих продолжение, дальнейший рассказ заимствован из не-новгородского летописания. В Летописи Авраамки сообщается о том, что Василий в 6955 (1447) г. «въеха в Москву и на великом княжении сел», о победе Василия над Шемякой под Галичем и бегстве Дмитрия в Новгород в 6957 (1449) г., о его пребывании там в 6959 (1451) г., смерти в 6061 (1453) г. Но Летопись Авраамки, оканчивающаяся 6977 (1469) г., составлена уже после окончания борьбы за великокняжеский престол в Москве.

Можно предположительно указать еще один памятник, отражающий летописание, ведшееся до окончания борьбы за великокняжеский престол. Это летописный текст, дошедший в составе литовско-русского сборника, именуемого в литературе Белорусской I летописью. Сборник сложен по составу и включает в себя «Летописець великых князей Литовских»; помещенное в нем «Избрание летописания изложено въкратце» также неоднородно: начальная его часть, до 6817 (1309) г., заимствована из НIVЛ, текст

6893 (1385)—6926 (1418) гг. — из СІЛ. Но с 6818 (1310) по 6893 (1385) г. текст Белорусской I летописи сходен с Троицкой летописью, а с 6926 (1418) г. содержит текст (или фрагменты) некоего свода, доведенного до 6954 (1446) г. и, возможно, составленного около этого года. Несколько известий этого свода связано с феодальной войной: о том, что после смерти Василия I в 6933 (1425) г. «отъеха князь Юрий в Галичь» и что в том же году митрополит ездил «на Кострому и в Галич ко князю Юрью», о поражении и пленении в 6953 (1445) г. Василия II «царем Магметемь» под Суздалем и освобождении великого князя «по окупе — дати на собе ему окупа много множество» и заключительное известие о свержении Дмитрием Шемякой и его неназванными сподвижниками Василия II — «и выимаше ему очи, а сам сяде на великомь княжении на Москве».[13]

Конечно, восстанавливая историю феодальной войны второй четверти XV в., историки не могут ограничиваться современными ей источниками. Привлечены должны быть и памятники, составленные позже, в особенности летописи второй половины XV в.

Таковы Псковские летописи, одна из которых, ПІЛ, доходила в своем первоначальном виде (судя по Тихановскому списку) до 1469 г.[14] Как и НІЛ, НІУЛ второй редакции и Летопись Авраамки, ПІЛ, как и ПІІІЛ, утверждала, что в 6940 (1432) г., в результате поездки в Орду Юрия и Василия, «княжения не взят ни един». Подобно СІЛ, эти летописи сообщают о двукратном вступлении Юрия на московский престол — в 6941 (1433) и 6942 (1434) гг., причем второй поход Юрия объясняется тем, что Василий пошел на «дядю своего, а через мирную руку и правду». Любопытно, что в псковских летописях рассказывается об ослеплении Василия в 6954 (1446) г., но нет ни слова о победе над Шемякой и возвращении на престол — сообщается только о смерти Шемяки в Новгороде в 6961 (1453) г.

Несомненно, что при изучении истории московской феодальной войны нельзя оставлять в стороне подробный рассказ о перипетиях этой войны, сохранившийся в великокняжеском летописании второй половины XV в. Эта летописная традиция дошла до нас в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях и в Московском своде 1479 г., легшем в основу последующего официального московского летописания. Сопоставление текста, лежащего в основе Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей, с текстом Московского свода с несомненностью обнаруживает, что в основе двух первых летописей лежит более ранний памятник, чем свод 1479 г., — протограф Никаноровской и Вологодско-Пермской может быть определен как свод 1472 г. (или начала 70-х гг.). Но и свод 1472 г. не обязательно считать первоначальным этапом московского великокняжеского летописания. Сходный с этим летописанием текст дошел до нас в двух памятниках — в Музейном летописце, где последовательное изложение доведено до 6060 (1452) г., и в Летописи Лавровского, доходящей до 6977 (1469) г. Текст Музейного летописца и Летописи Лавровского, судя по некоторым известиям, первичнее текста Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей.[15] Нельзя ли предположить, что первоначальный великокняжеский свод был составлен в 50—60-х гг. XV в.? Предположение это заманчиво, но следует прежде всего иметь в виду, что по отношению к

---

[13] ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 59—70; М., 1989. Т. 35. С. 56—61.

[14] Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 39—51; М., 1955. Вып. 2. С. 41—49, 126—140.

[15] ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 183—213; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 100—118. Музейный летописец см.: ГБЛ, ф. 178 (Муз.), № 3271; БАН, 34.2.31; Летопись Лавровского: Львовский филиал БАН УССР, ф. Ossolineum, № 2162 (список Белевского) и 2178 (список Оссолиньских). Ср.: Лурье. Летописи. С. 129—134.

общему источнику НIVЛ—СIЛ, Новгородско-Софийскому своду (и конкретно по отношению к СIЛ) текст всех этих версий великокняжеского летописания явно вторичен и что, кроме того, в дошедших до нас списках Музейного летописца и Летописи Лавровского содержатся фрагменты из Вологодско-Пермской летописи, и мы не можем с уверенностью определить их первоначальный вид.

Но, как ни датировать московское великокняжеское летописание второй половины XV в., оно дает богатую картину истории феодальной войны 1431—1447 гг. Картина эта, конечно, тенденциозна: история излагается с позиций победителя — Василия II, но тем более ценны (как всегда при исследовании источников) те сведения, которые летописец сообщает независимо или вопреки своей общей тенденции: например, детальное описание спора в Орде в 6940 (1432) г. или покаяния Василия Темного в 6955 (1446—1447) г. в его грехах перед «православным христианством».

Значительно дополняют наши представления о борьбе за великокняжеский престол и независимые своды второй половины XV в.: в особенности свод начала 70-х гг. XV в. (видимо, кирилло-белозерский), лежащий в основе Ермолинской летописи и Сокращенных сводов конца XV в.

* * *

Но задача данной статьи — не реконструкция истории войны за великокняжеский престол после 1425 г., а исследование современных этой войне летописей.

Наиболее важным памятником летописания тех лет, как и вообще русского летописания, представляется свод, лежащий в основе СIЛ, НКЛ и НIVЛ и условно именуемый Новгородско-Софийским сводом. Именно в Новгородско-Софийском своде появился развернутый рассказ о нашествии Батыя, соединяющий материалы разных сводов XIII в., известия о тверских восстаниях против Орды, отсутствовавшие в предшествующем общерусском летописании, подробные повести о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша и т. д.

Когда же и каким образом он был составлен? А. А. Шахматов, установивший существование Новгородско-Софийского свода, и М. Д. Приселков предполагали существование двух этапов в складывании этого памятника: составление митрополичьего свода, Владимирского полихрона Фотия, в 1418—1423 г., и основанного на нем свода 1448 г. Полихрон Фотия отразился, по их предположению, в Ермолинской летописи и в Хронографе, свод 1448 г. — в НIVЛ и СIЛ. Шахматов считал свод 1448 г. новгородским, Приселков — общерусским (митрополичьим).[16] Дальнейшие исследования обнаружили, что и Ермолинская летопись, и Хронограф основаны на летописании конца XV или начала XVI в. и не могут служить для реконструкции свода 1418—1421 гг. О Новгородско-Софийском своде мы можем судить в основном по восходящим к нему летописям — СIЛ и НКЛ — НIVЛ.[17] Что же представлял собой этот свод?

Автор этих строк, предположительно принимая датировку его 1448 г., считал, вслед за Приселковым, что это был митрополичий свод, фрагменты окончания которого сохранились в СIЛ младшего извода (а в НIVЛ были заменены новгородскими известиями). А. А. Зимин в посмертно опубликованной монографии «Витязь на распутье» согласился с предположением о

---

[16] Шахматов. Обозрение. С. 133—160; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. М.; Л., 1940. С. 142—164. (Далее: Приселков. История).

[17] Лурье. Летописи. С. 67—121. Текст НКЛ первичен по отношению к НIVЛ, но и НКЛ—НIVЛ и СIЛ восходят к общему протографу.

едином (а не двухэтапном) происхождении Новгородско-Софийского свода, но вернулся к мнению Шахматова о его составлении в Новгороде.[18] Однако такое предположение все же находится в противоречии с общерусским характером свода в целом и с его явным сочувствием митрополичьей и великокняжеской власти в изложении истории новгородско-московских конфликтов конца XIV в. А. Г. Бобров, также согласившийся с тем, что в основе СІЛ, НКЛ и НІУЛ лежал один свод, составленный не ранее 1418 г., на котором заканчивается их общий текст, признал этот свод митрополичьим, но датировал его 1418 г.[19]

Однако такая датировка наталкивается на ряд серьезных затруднений. Характерной чертой Новгородско-Софийского свода, проходящей через весь свод, является идея общерусского единства в сочетании с признанием прав отдельных земель: именно поэтому в свод был введен обильный материал новгородского летописания и последовательно подчеркивалось право новгородцев на изгнание и приглашение князей. Важность этой тенденции Новгородско-Софийского свода особенно ясно обнаруживается из сопоставления его с основанным на нем великокняжеским летописанием, где столь же последовательно исключались все упоминания о таких изгнаниях, и приход и уход князей изображался как совершенный по их воле.[20] Зачем было бы летописцу митрополита Фотия столь усердно подчеркивать такие права новгородцев? Ни о каких симпатиях этого митрополита к Новгороду мы ничего не знаем. Фотий предостерегал новгородцев и особенно псковичей от всяких «дел душевредных»,[21] но никогда не проявлял особого интереса к новгородским вольностям. Мало характерны для 20-х гг. XV в. междукняжеские столкновения, которые дали бы основание для важнейшего лейтмотива Новгородско-Софийского свода — темы борьбы между «братьями»-князьями. Суздальские князья участвовали в нападении в 6918 (1410) г. татарского «царевича» Талыча на Владимир, но как раз об этом событии, произошедшем при Фотии, СІЛ—НІУЛ сообщили лишь в краткой заметке; пространный рассказ о нашествии Талыча проник в великокняжеское летописание второй половины века не из Новгородско-Софийского свода, а из какого-то неизвестного источника. А. Г. Бобров упоминает столкновение Василия I с его братом Константином из-за престолонаследия, но и это первое предвестие будущей династической борьбы относилось к 6927 (1419)—6928 (1420) гг. и не отразилось в дошедшем до нас общем тексте СІЛ—НІУЛ, заканчивавшемся 6926 г.

Для решения вопроса о времени и обстоятельствах составления Новгородско-Софийского свода нужно прежде всего обратиться к окончаниям двух основных летописей, отразивших этот свод, — СІЛ и НІУЛ.

Где кончается текст СІЛ младшей редакции, сказать трудно, — редакция эта могла быть составлена и в 6964 (1456)., и в 6970 (1462) г. или даже в 6979 (1471) г. Но где кончался архетип этой редакции — текст, который может быть с той или иной степенью вероятности возведен к Новгородско-Софийскому своду? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы должны обратить внимание на статью 6942 (1434) г. — о вступлении на великокняжеский престол Юрия Дмитриевича, его смерти и новом вокняжении Василия II: после этой статьи в тексте СІЛ наступает трехлетний перерыв — до 6945 (1437)—6949 (1441) и 6953 (1445)—6964 (1456) гг. Значение 6942

[18] Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 137—138.

[19] Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3—20.

[20] Лурье Я. С. О политических идеях общерусского свода 1448 г. // Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Erlangen, 1982. S. 135—152.

[21] РИБ. СПб., 1880. Т. 6. № 33; ср. № 34, 41, 42, 43, 55, 56.

(1434) г. как переломного момента в тексте СІЛ подчеркивается важным наблюдением, сделанным М. Д. Приселковым. В известии 6945 (1437) г. о битве на Белеве, следующем здесь за 6942 г., впервые появляется стилистический оборот, встречающийся затем в СІЛ еще два раза: «по разгневанию Господа Саваофа и по умножению грехов хрестьяньскых, побиша рать Русьскую»; вновь эта же формула повторена затем в рассказе о поражении Василия II под Суздалем в 6953 (1445) г. и пожаре в Архангельском соборе в 6958 (1450) г. Нет необходимости видеть во всех этих текстах черты «обработки после 1448 г.», как полагал Приселков, но несомненно, что их следует относить к писательской манере одного автора — «к руке сводчика 1456 г.»[22] или более позднего редактора. Редактор этот мог продолжить свод, доведенный до 6942 (1434) г.

Еще более ясные данные о времени написания летописей, возникших на основе Новгородско-Софийского свода, мы находим в списках НІVЛ. Первая редакция этой летописи, доведенная до 1437 г. и составленная при великокняжеском наместнике Григории Васильевиче Заболотском, — это не гипотетическое построение, а реальный текст, дошедший до нас. Но если в 1437 г. уже существовала первая редакция НІVЛ, то, очевидно, Новгородско-Софийский свод, лежащий в основе НІVЛ, был составлен ранее этого года. Именно наблюдения над Новороссийским списком, сохранившим запись, связанную с владельцем или заказчиком этой летописи, дают основания отказаться от датировки Новгородско-Софийского свода 1448 г., предложенной А. А. Шахматовым и прежде разделявшейся автором этой статьи.[23]

Новгородско-Софийский свод был составлен до 1437 г. — но после какого года? Первая редакция НІVЛ проливает, как кажется, некоторый свет на обстоятельства возникновения НІVЛ (и НКЛ). НІVЛ — новгородская летопись, но составленная при великокняжеском наместнике. И это не единственное свидетельство переплетения общерусского и новгородского летописания в 30-х гг. Комиссионный и Академический списки НІЛ, текст которых восходит к 40-м гг., обнаруживают явное влияние Новгородско-Софийского свода (статьи об Александре Невском, Михаиле Черниговском и др.).[24] В свою очередь, как мы знаем, Новгородско-Софийский свод на всем своем протяжении обнаруживает влияние НІЛ в редакции, составленной во всяком случае не ранее первых десятилетий XV в.

Выше уже объяснялось, почему общий протограф СІЛ и НІVЛ, Новгородско-Софийский свод, не может считаться новгородской летописью, — это явно общерусский свод. Но общерусский, по всей видимости, митрополичий свод, дошедший в СІЛ и НІVЛ, был тесно связан с Новгородом — об этом свидетельствует уже обилие в нем новгородских известий. В статье о НІЛ Б. М. Клосс недавно высказал мысль, что в НІЛ младшего извода были «включены материалы, использованные в создававшемся в это время в Новгороде митрополичьем своде (Новгородско-Софийском своде, по терминологии А. А. Шахматова)».[25] Эту беглую мысль следует, по нашему мнению, развить и конкретизировать.

---

[22] Приселков. История. С. 162.

[23] Лурье. Летописи. С. 108—110, 115—118.

[24] Шахматов. Обозрение. С. 164, 179. Заметим кстати, что датировка Новгородско-Софийского свода 30-ми гг. удачнее, чем его отнесение к 1448 г., согласуется с палеографическими особенностями по крайней мере двух летописей, отразивших этот свод, — НІЛ по Комиссионному списку и Рогожского летописца, начальная часть которого (до 6796 г.) обнаруживает заимствования из НІV (ср.: Лурье. Летописи. С. 88—90). Комиссионный список имеет водяные знаки, датируемые 1441—1451 гг. (Новгородская первая летопись... С. 7). Рогожский летописец — 1443—1452 гг. (ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, ч. 1. С. V—VIII).

[25] Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая пол. XIV в.). С. 246.

Составление митрополичьего свода в Новгороде могло быть осуществлено, естественно, в то время, когда в Москве не было митрополита. Такое время наступило после смерти Фотия в 1431 г. В 6941 (1433) г. в Царьграде был назначен митрополитом «на Русскую землю» смоленский епископ Геннадий, приехавший осенью на Русь, но не отправившийся в Москву, «зане князи руския воюются и секутся о княжении великом на Руской земли», как отметил псковский летописец.[26] Весной 6942 (1434) г., согласно НIVЛ, «к митрофолиту Герасиму на Смоленско» поехал ставиться «на владычьство» новгородский архиепископ Евфимий II.

Митрополия продолжала существовать, но она существовала вне Москвы. Мы традиционно связываем представление о митрополии с представлением о митрополите — и именно о митрополите, пребывающем в Москве. Но митрополия — это обширное учреждение, не прекратившее свою деятельность со смертью Фотия в 1431 г. Среди дошедших до нас документов митрополичьего архива, естественно, сохранилось лишь немного грамот, относящихся ко времени после Фотия и до вступления на престол Ионы в 1448 г. (их всего две) — после 1448 г. они редко переписывались.[27] Но существование всего обширного митрополичьего двора — с митрополичьими боярами, наместниками, волостелями, дворецкими, судьями, тиунами, приказниками, дьяками, подьячими — с несомненностью подтверждается и грамотами Фотия, и грамотами Ионы.[28] Двор этот, конечно, существовал и действовал после Фотия и до Ионы. Так, «Ананья диак митрополич» был «послухом» в грамоте Фотия в 1419 г., и в той же роли он выступал при «нареченном в святейшую митрополию» Ионе в 1448 г.[29] «Митрополичь диак Карло» упоминается в грамотах Ионы 1456, 1458 гг. и в подтвержденной Ионой уставной грамоте Киприана, и тот же «Василий дьяк, прозвищем Карло» упоминается в Ермолинской летописи под 6949 (1441) г.[30] как обличитель «безумия» вернувшегося из Флоренции митрополита Исидора. «Обличал» ли Карло Исидора или нет, мы не знаем, но ясно, что он был вполне реальной фигурой (тому свидетельством грамоты 50-х гг.) и служил митрополичьим дьяком в период между 1431 и 1448 гг.

Митрополичий двор в 1431—1448 гг. не мог все время находиться в Москве, где «воевались и секлись» князья, ему приходилось действовать где-то вне ее, и наиболее благоприятным местом, естественно, мог быть Новгород, с которым был связан Герасим Смоленский и где во время своего первого приезда на Русь (1437 г.) провел значительную часть времени митрополит Исидор. Именно здесь, вернее всего, мог быть составлен общерусский митрополичий свод, осуждавший вражду между «братьями»-князьями и отстаивавший идею независимости и единства Руси в сочетании с признанием прав отдельных земель, и в первую очередь Новгорода. Определить время составления этого свода мы можем только предположительно, но если считать, что лежащая в его основе НIЛ младшего извода была составлена при великом князе Юрии Дмитриевиче (ко времени княжения которого относится древнейший, но, к сожалению, сохранившийся только в начальной части текст НIЛ, дошедший в Троицком списке), то датировать Новгородско-Софийский свод, очевидно, следует 1434—1437 гг.[31]

---

[26] Псковские летописи. Вып. 1. С. 42; Вып. 2. С. 44 и 128.
[27] АФЗиХ. М., 1951. Ч. 1. № 231, 232; ср. № 25.
[28] Там же. № 29, 41, 79, 95, 96, 115, 126, 133, 135, 145, 172, 201, 202, 211, 277.
[29] Там же. № 41 и 95.
[30] Там же. № 115, 126 и 201; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 150.
[31] Ср. предположительное указание на возможность датировки этого свода «1430-ми годами» в энциклопедической статье Шахматова «Летописи»: Шахматов. Обозрение. С. 366.

Конечно, для окончательного решения этого вопроса требуются еще дальнейшие исследования. Необходимо тщательно изучить ряд памятников новгородского летописания. Очень важно также привлечение одной из белорусско-литовских летописей — Белорусской I летописи. Примеры, которыми А. А. Шахматов пытался доказать связь Новгородско-Софийского свода с митрополитом Фотием,[32] не подтверждаются проверкой: рассказ о прибытии Фотия в Москву под 6918 (1410) г. и о завещанном ему Владимиром Серпуховским селе в Никоновской летописи (из какого-то особого посвященного Фотию источника) отсутствует в СІЛ и НІУЛ; отсутствует в них и рассказ о нашествии Талыча в 6918 (1410) г., впервые появившийся в великокняжеском летописании и расширенный в Никоновской; известие 6920 (1412) г. о поездке новгородского владыки к Фотию — новгородское, в СІЛ его нет; вновь к Никоновской восходит рассказ 6922 (1414) г. о том, как на Фотия восстали «неблази человеци», и т. д.[33] Связь с Фотием обнаруживается не в Новгородско-Софийском своде, а в тех фрагментах общерусского летописания, которые содержатся в Белорусской I летописи наряду с отрывками из НІУЛ и СІЛ. Перед нами под 6918 (1410), 6919 (1411), 6923 (1415), 6924 (1416), 6926 (1418), 6928 (1420), 6929 (1421), 6933 (1425), 6934 (1426), 6935 (1427) гг. действительно сплошная цепь известий о Фотии и церковных делах.[34] Но любопытно, что оригинальные разделы Белорусской I, не восходящие к НІУЛ и СІЛ, как раз совершенно не обнаруживают черт влияния Новгородско-Софийского свода. Очевидно, в середине 40-х гг. этот обширный свод (с рассказами о борьбе с Ордой, о Куликовской битве и т. д.) еще не дошел до составителя литовско-русской летописи 1446 г.; фрагменты НІУЛ и СІЛ были включены в Белорусскую I летопись позже.

Новгородско-Софийский свод занял особое место в истории русского летописания. Он лег в основу всех новгородских летописей и почти всех общерусских, среди которых был великокняжеский свод, отразившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, а также особая компиляция, соединившая материалы СІЛ, Троицкой и других летописей и бывшая источником Ермолинской летописи,[35] Московского свода 1479 г. и зависимых от него летописей — вплоть до середины XVI в. Такая роль протографа СІЛ и НІУЛ сопоставима с ролью Повести временных лет в русском летописании после XII в., и анонимный составитель Новгородско-Софийского свода с полным правом может считаться своеобразным «Нестором XV в.».

---

[32] Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 173—174.

[33] ПСРЛ. СПб., 1897 (М., 1955). Т. 11. С. 212—230.

[34] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 54—60; Т. 35. С. 54—56.

[35] А. Г. Бобров придает особое значение при датировке Новгородско-Софийского свода совпадению «границы общего текста Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи с завершением общего текста СІЛ—НІУЛ—НКЛ» (Бобров А. Г. Из истории летописания... С. 8). Но определить, как именно оканчивался текст общего источника Ермолинской и Московского свода, мы не можем: в Московском своде 6926 (1418) г. кончается не на том известии, которым заканчивается совпадение СІЛ—НКЛ—НІУЛ, а продолжается; далее следуют 6927—6936 гг.; в Ермолинской после 6926 г. следует 6933 (1425) г.